

Действительно, в «Пире», построенном в форме диалога, высказываний гостей, говорящих о своем понимании любви, то сужающемся, то бесконечно расширяющемся, Толстой мог почерпнуть разные подходы к волнующей его теме. Он не забывает ничего в своем произведении, не только воспроизводя эпизоды «Пира» в конкретных, хотя и мимолетных сценах, но и давая им попутно соответствующую оценку, обращенную также к собственным его персонажам. Вспомним речь Павсания из «Пира», посвященную двум Эросам, в которой прославляется однополая любовь. «Любители мальчиков» отдают предпочтение тому, что сильнее от природы. И таких людей, по его мнению, находится много в разных странах, где часто ни старый, ни молодой не усматривают ничего предосудительного в сближении подобного рода. Эти речи и рассуждения нашли косвенный отклик в «Анне Карениной», что читателями не замечено. Вспомним, как Вронскому, евшему перед скачками бифштекс в общей зале артели полка, подсаживаются два офицера: «Один молоденький, с слабым, тонким лицом, недавно поступивший из пажеского корпуса в их полк, другой пухлый, старый офицер с браслетом на руке и заплывшими маленькими глазками». Пухлый офицер подчеркнуто внимателен к молодому: поворачивает для него стул, услужливо подает карту вин. Когда молодой офицер предлагает идти в бильярдную, пухлый покорно встает. Отвращение, насмешки и презрение Вронского и Яшвина вызывает эта пара «неразлучных», заставляющая вспомнить «Пир» Платона. Значимо и то, что эту пару Толстой помещает в мир Вронского, включая в сферу восприятия именно данного героя. В подобной соотнесенности, бесспорно, присутствует элемент авторской оценки и самого персонажа, настойчиво изображаемого в подчеркнутую физиологическом аспекте, чему служит, между прочим, постоянно повторяющееся сцепление мотивом еды и любви, пира и эроса, уже замеченное исследователями. (В. Ветловская).

Проблема рецепции античной культуры русским обществом XIX века еще требует своего решения. Углубленное рассмотрение структуры произведений, внимание к внефабульным связям и переключкам, существующим в жанре романа, способно приоткрыть тайны глубинного взаимодействия отдаленных друг от друга временных дистанций.

© О. В. Седельникова
Томск

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО КОНЦА 1840-Х ГОДОВ («НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА» В КОНТЕКСТЕ ПОВЕСТИ Е. П. МАЙКОВОЙ «НЕДОУМЕНИЕ»)

Ф. М. Достоевский принадлежит к числу немногих художников, очень рано определивших основную тему своего творчества. Еще в юношеском письме брату он с осязательным поэтическим восторгом формулирует ее¹ и, по сути дела, остается верен ей до конца своей жизни. И в этом

плане направление его раннего творческого развития можно определить как постоянный поиск наиболее адекватных форм художественного исследования человека во всем многообразии его связей с миром, в широте его личностных проявлений, что соотносимо с важнейшими тенденциями литературного развития эпохи формирования русской психологической прозы.

Своего рода итогом осмысления концепции личности и разработки способов ее художественного осмысления в раннем творчестве Достоевского становится неоконченный роман «Неточка Незванова», произведение, достаточно сложно поддающееся адекватной интерпретации в силу своей незавершенности, и в тоже время очевидно значимое для писателя, ставшее важным этапом его творческого развития, на что указывает тот факт, что по возвращению из Сибири Достоевский не продолжает работу над ним, но пытается создать из напечатанных до ареста частей некое художественное единство и переиздает его [2, 496–497]. Для исследования специфики концепции личности в романе «Неточка Незванова» представляется целесообразным рассмотреть ее в контексте произведений участников кружка Майковых того периода, общение с которыми во второй половине 1840-х годов оказало значительное воздействие на формирование особенностей мировоззрения и эстетики писателя.²

Тенденция, обнаруживающая себя в направлении творческих поисков представителей майковского кружка, отражает глубокий интерес к внутренней жизни человека и вызывает разработку методов разнопланового художественного изображения индивидуальной психологии личности в ее обобщенно-типическом воплощении. Это становится важнейшим направлением творческого развития Достоевского этих лет. Начиная с «Хозяйки», каждое новое произведение демонстрирует движение к использованию приемов самораскрытия характера, к исповеди как таковой, которая станет одной из основ всеобъемлющей полифонии зрелых романов Достоевского. Первым итогом этого процесса оказывается незаконченный роман «Неточка Незванова», выстроенный на основе исповеди главной героини, в орбиту которой, благодаря сложной художественной структуре, втягивается изображение внутренней жизни других персонажей романа. Таким образом, создается сложная иерархическая система, воплощающая путь авторского проникновения в тайны человеческой души. Здесь, часто в зачаточной форме, намечены основные приемы зрелого психологизма Достоевского.

Особое внимание в рамках поставленной проблемы привлекает творчество Е.П. Майковой. Наиболее отчетливо реализуется новая концепция личности, разрабатываемая в кружке во второй половине 1840-х годов, в ее повести «Недоумение».³ Здесь развивается общая для кружка Майковых тенденция к осмыслению современности сквозь призму ее воздействия на человека, выводящая на передний план тему героя времени. В центре внимания автора находится молодой офицер Александр Камеев, небогатый

дворянин, наделенный умом и чутким сердцем, однако потерявший истинные жизненные ориентиры в суеде светской жизни. Его пребывание в небольшом провинциальном городке юга России Красные Верхи составляет небогатый внешними событиями сюжет повести, распространяемый воспоминаниями героя о его жизни в Петербурге.

Творчество представителей кружка Майковых обогащало господствовавшее в литературе 1840-х годов «отрицательное» гоголевское направление синтезом пластичного достоверного изображения действительности и углубленного психологического анализа личности, сменившей героя-схему, реализовывавшего не индивидуальную судьбу, а характерные черты того или иного общественного слоя⁴, суть воплощение своей среды, обобщая, таким образом, социально-аналитический опыт Гоголя и художественную психологию Карамзина, Пушкина и Лермонтова. Однако возврат интереса к личности в литературе 1840-х годов происходит на качественно новой ступени ее осмысления. Принципиально изменяется отношение к человеку и понимание причин, обусловивших его роль и место в жизни. Бездействие, низость, бездуховность героя уже не могут иметь тотальную обусловленность средой. Такое решение было и слишком просто, и совершенно бесперспективно для нового мыслящего героя, пришедшего на смену маленькому человеку, движение к которому проявлялось уже в образе Макара Деушкина и характере лирического героя ранних произведений А.Н. Майкова. Эта необходимость деятельного героя, выразившаяся в критическом изображении героя-мечтателя в произведениях Достоевского, Гончарова и А.Н. Майкова, и вопрос о том, каким он должен быть (особенно остро вставший в «Обыкновенной истории») реализуется в творчестве Е.П. Майковой в концепцию личности, осознанно-ответственной перед собой и обществом за свою судьбу, за со-причастность истинному бытию, несмотря на все негативное влияние социума, вопреки пошлым законам действительности.⁵

Эта концепция оказывается актуальной и в «Неточке Незвановой» Достоевского, где впервые в творчестве писателя со всей определенностью зазвучала тема «реального созидания личности»⁶, особенно усиливающаяся непременно возникающим сопоставлением судьбы Неточки и Ефимова как бесплодно загубленного таланта по вине самого его носителя, переложившего всю ответственность за себя на свое страдающее семейство и абсолютно лишенного в беспросветном эгоизме истинной человечности, и личности, казалось бы, вопреки всему сохраняющей душевную чистоту, способность на самопожертвование и сострадание, а главное – сформировавшей активную жизненную позицию, которая обусловила стремление Неточки подружиться с Ларенькой, взять на себя вину Кати, придавало ей душевное мужество противостоять хищному и бездушному Петру Александровичу, защищая кроткую Александру Михайловну. Судьбы Ефимова и скрипача Б. как две прямые, пересекающиеся в определенной точке и расходящихся в противоположном

направлении, задают систему координат, в которой будет рассматриваться проблема становления личности в ракурсе внутренней ответственности перед собой и миром, усиленная мотивом «трагедии совести Ефимова», организующим семантический контекст экспозиции романа [2, 496]. В этом плане соотносительность проблематики «Неточки Незвановой» и «Недоумения» очевидна, что позволяет рассматривать их как реализацию тем, создавших основу направления творческих поисков кружка Майковых второй половины 1840-х годов.

Мысль о необходимости постоянного душевного движения, осознания всех своих поступков и ответственности за них становится в художественной системе Майковой важнейшим критерием в разработке внутренней структуры всех персонажей повести, источником неоднозначности, диалектичности оценок. Автор пытается отразить многообразие конкретных жизненных проявлений личности, что позволяет с большей определенностью выявить специфику образа героя времени. Благодаря этому создается реальная, психологически верная жизненная картина, отражающая различные человеческие типы. С подобным приемом мы сталкиваемся и в «Неточке Незвановой», где Достоевский пытается преодолеть схематизм типов и изобразить человека во всей его многомерности и противоречивости. Так, чуткой и внимательной Неточке автор придает чувства отчужденности, а порой даже ненависти к измученной страдающей матери, а эгоист и паяц Ефимов оказывается способен на теплые чувства к своей падчерице. Диалектический подход стал возможен благодаря изменению (по сравнению с Гоголем) угла зрения на человека, замене социоцентризма на антропоцентризм, обогащенный углубленным психологическим анализом. Отталкивание от гоголевского художественного опыта, попытки его переосмысления и обогащения здесь очевидны.

Особенности поэтики «Недоумения» определяются главной художественной задачей, стоящей перед автором – создать изображение сложного внутреннего мира героя времени, что становится основой разработки многоступенчатой иерархической структуры, организующей в единое целое различные приемы психологического анализа. Изображение развивается постепенно, переходя от внешних способов обрисовки образа и его характеристики через взаимодействие с окружающим его жизненным пространством, через восприятие его другими персонажами, различающееся в зависимости от типа воспринимающего сознания, к проникновению в его внутренний мир, раскрывающему перед нами сущность его теперешнего состояния. Кульминационным моментом здесь становится введение воспоминаний Камеева, представленных хаотично, в виде потока сменяющих друг друга эпизодов, порождаемых внешним воздействием – сменой музыкального мотива, раздающегося из открытого окна находящегося неподалеку дома.

Использование музыкального мотива как ключа к внутреннему миру героев позволяет Майковой найти путь исследования характера, совме-

шающий отражение особенностей подсознательных психических процессов (фрагментарность воспоминаний) и определяющих (и одновременно типических) моментов судьбы героя времени, формирующих особенности его натуры. Благодаря созданию сложной психологической основы достигается гармоничное соединение различных временных пластов на весьма небольшом текстовом пространстве.

К музыкальному мотиву как одному из средств психологизации, хотя и в несколько ином ключе, обращается и Достоевский. В истории Ефимова музыка, главным образом, оказывается формальным воплощением богатого внутреннего потенциала личности, в данном случае нереализованного и становящегося основой трагедии героя и его семьи. Этот мотив позволяет более наглядно, формульно воплотить идею нравственной ответственности личности перед собой и миром. В функциональном аспекте, как основа развития переживаний в душе Неточки, используется он в сцене концерта в доме князя X-го, когда музыкальный мотив, напомнивший ей последнюю игру ее безумного отца, приводит ее к тяжелой душевной болезни, преодолению последствий которой способствует появление княжны Кати, чей образ притягивает героиню. Желание прикоснуться к этой красоте заставляет Неточку входить в жизнь, проявляя активное деятельное начало, развиваясь личностно.

Образу княжны Кати типологически и функционально близка одна из героинь «Недоумения», дочь благодетеля Камеева, Аннета, девушка-ребенок, которую часто называют Неточкой. Это единственный живой и непосредственный образ во всем петербургском окружении героя, притягивающий его своей чистотой, заивностью, подвижностью и открытостью. Его тянет к ней как к глотку свежего воздуха, что подчеркивается противопоставлением светских вечеров в компании мраморной красавицы Зизи Пионовой тихому домашнему общению с Неточкой, ее живости и эмоциональности.

Образы Кати и Аннеты, один в большей, другой в меньшей степени, не получают полного развития. О будущем княжны Достоевский упоминает только то, что оно не будет безоблачным, что ей еще придется сыграть особую роль в динамике событий. Некоторым дополнением этой линии, оттеняющей путь главной героини, становится образ кроткой смиренной Александры Михайловны. Аннету же, чья естественность и подвижность раздражает отца, выдают замуж за безликого Мякишева, почтительного, блеклого и достойного своим чином дочери Михайлы Григорича, над которым они когда-то смеялись с Камеевым. Таким образом воплощается в повести идея пагубного влияния дурных обстоятельств на всякое живое, естественное, чувствительное начало, черствящего душу, и недолжного смирения человека, с которым все это происходит, что сближает проблематику «Недоумения» и «Обыкновенной истории».

Тем более важным в контексте общей направленности авторского замысла становится как в «Неточке Незвановой», так и в «Недоуме-

нии» образ героя, способного преодолеть все неблагоприятное воздействие окружающих обстоятельств и противостоять приземляющему воздействию жизни, возродить активное духовное начало. Таковы Нечочка и Камеев при всем их внешнем различии. Здесь явно обращает на себя внимание то, что в обоих случаях этот процесс оказывается возможен благодаря воздействию на душу героев прекрасного, гармоничного, хотя и разноприродного начала. Сама жизнь своим вечным движением пытается заставить героев включиться в этот процесс. Постепенная переоценка событий прошлого, способность к его аналитическому, а не эмоциональному восприятию становится важным этапом в динамике внутренних процессов обоих героев, приводя их к этическому осознанию смысла человеческой жизни.

На основании представленного сопоставительного анализа можно говорить о том, что итогом раннего творчества Достоевского, его размышлений о возможностях гармонизации жизни и месте человека в бытии становится выработка новой концепции личности, осознающей свою «персональную участность и ответственность»⁷, что явилось важным этапом формирования зрелой диалектической характерологии писателя и стало основой концептуальной заостренности образной системы всех последующих произведений. Подход к целостному изображению человека и мира и четко обозначенный новый шаг в осмыслении проблемы личности, реализовавшийся во второй половине 40-х годов в произведениях участников кружка Майковых, позволяет рассматривать их творческие поиски как важный этап на пути формирования основ русского психологического реализма. Здесь в предельно обобщенном и сжатом варианте заложена диалектическая проблематика и многомерная поэтика зрелого творчества Достоевского, Гончарова, Майкова с их обостренным вниманием к соотносительности изображаемых явлений с нравственно-этическим идеалом ответственной личности, со всей очевидностью закрепляется ценностный характер восприятия действительности и осмысления человека, ставший впоследствии одной из определяющих в характере его этико-эстетического воздействия черт русского классического романа.

Примечания

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем. Т. 28 (1). Л. 1985. С. 63. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте в квадратных скобках с указанием тома и страницы.

2. Подробно об этом см.: Седельникова О.В. Ф.М. Достоевский и кружок Майковых. К проблеме своеобразия ранних мировоззренческих и эстетических позиций писателя. Дисс. канд. филол. наук. Томск, 2000.

3. Библиотека для чтения. 1850. Т. 102.

4. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.-Л., 1959. С. 116–117

195. См. об этом мою работу: «Своеобразие концепции личности в пове-

сти Е.П. Майковой «Недоумение» // *Juvenilia*: Сборник студенческих и аспирантских работ. Вып. 4. Томск, 1999. С. 42–44.

6. Жилиякова Э.М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Ф.М. Достоевского. Томск, 1989. С. 224.

7. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Человек в мире слова. М. 1995. С. 52.

© О.Г. Сидорова
Екатеринбург

НА ПУТИ К ДИАЛОГУ: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА В ОЦЕНКАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КРИТИКИ

Проблемы, связанные с возникновением, развитием, изменением литературного канона, обсуждаются в англоязычном литературоведении оживленно и давно: «Канон, о котором идет речь, – иерархия западной литературы, до недавнего времени признававшаяся как читательской аудиторией – интуитивно, так и специалистами – рефлексивно... На практике отбор и иерархия всегда неизбежны – хотя бы потому, что существуют школьные и университетские программы, куда можно втиснуть лишь ограниченное число авторов, и этот список необходимо подкреплять каким-то принципом» [1, 192].

Итак, в сознании читателей национальный литературный канон иерархичен, в силу сложившейся традиции он обладает достаточной устойчивостью и определенностью, несмотря на то, что он подвержен разнообразным влияниям исторического, идеологического, даже случайного характера. Отметим также, что разница в восприятии литературы читателями – носителями данного языка и культуры и восприятии той же литературы иностранцами бывает, как правило, достаточно ощутимой. Оценивая с этой точки зрения классическую английскую литературу, профессор Оксфордского университета Карен Хьюитт констатирует: «Величайший из наших поэтов-романтиков – Водсворт; среди тех, кто занимается этим периодом, также весьма популярны Блейк и Китс. Русские же, как немцы и французы, отдают предпочтение Скотту и Байрону, и не за их выдающиеся литературные качества, а за идеи и взгляды, которые они выражали. Это хорошие писатели, но для нас они не являются центральными фигурами литературного процесса... И британцы, и русские с удовольствием читают викторианскую прозу, но и здесь есть свои различия. Вы выше всех ставите Диккенса, Теккерея и сестер Бронте. Большинство из нас уверено, что наш величайший прозаик этого периода – Джордж Элиот, или, по крайней мере, она делит это место с Диккенсом. Почему-то Джордж Элиот мало известна за границей. Наверное, не стоит говорить, что она стоит рядом с Толстым, но «Анна Каренина» и «Миддлмарч» – романы одного – мирового – уровня. Для нас Стивенсон – второстепенный писатель, Конан-Дойль – автор